

УДК 101.1:316:32

ДЕРЯБИН А.А., MSc Social Psychology, научный сотрудник, НГТУ
г. Новосибирск

КРИТИКО-НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗИЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В УСЛОВИЯХ ПОСТПРАВДЫ И ИНФОРМАЦИОННОЙ ПЕРЕНАСЫЩЕННОСТИ

Термин «постправда» (post-truth) вошел в широкий обиход в середине 2010-х годов. Он обозначает обстоятельства, при которых объективные факты меньше влияют на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Иначе говоря, в эпоху постправды эмоциональная убедительность часто перевешивает доказательность фактов. Еще раньше Гарри Франкфурт опубликовал знаменитое эссе «On Bullshit», предмет которого в русском переводе [1] условно обозначается как «брехня» (в значении бессовестной чепухи). 40-летний юбилей этого логико-философского исследования мы отмечаем в 2026 году.

Трансформация отношения общества к истине рассматривается в книге Стива Фуллера «Интеллектуал» [2] и более поздних его работах. Фуллер утверждает, что феномен постправды коренится в самой истории западной мысли: истина никогда не была нейтральной и внеличностной, она всегда функционировала как «бренд», требующий доверия аудитории [3, с. 52]. Оставляя за скобками общеизвестные аргументы о социальной обусловленности знания и понимании истины как результата институциональной игры, отметим, что в эпоху постправды, по Фуллеру, просто стало очевиднее, что знание – это «игра власти», где разные игроки (эксперты, политики, активисты) борются за право определять, что считать правдой. В итоге Фуллер придаёт феномену постправды скорее позитивно-нормативный смысл, как возможности перераспределения «эпистемической власти» в обществе, вовлечения масс в дискуссию о том, что есть истина.

В отличие от этой релятивистской позиции по отношению к истине, Г. Франкфурт высказывается о «брехне» (bullshit) как о прямом враге истины – даже более опасном, чем прямая ложь. В своей аналитической теории «брехни» он рассматривает последнюю как особый тип ложности, отличной от прямой лжи. Если лжец сознательно искажает истину, то распространитель «брехни» может вообще не заботиться о том, что истинно, а что ложно. Сущность bullshit – полное безразличие к истине [1, с. 61]. Таким образом, брехня не обязательно выражает ложное утверждение – она может быть и правдивой по содержанию, но важнее то, что говорящего не интересует, так это или нет. В результате bullshit подрывает само значение правды: если лжец хотя бы подразумевает существование истины (которую он искажает), то «брехун» нивелирует грань между истиной и ложью, вообще не считаясь с фактами.

Как соотносятся эти две перспективы? На первый взгляд, постправда и брехня описывают схожую ситуацию – размывание роли объективной правды в общественной жизни. Однако акценты у Фуллера и Франкфурта различны. Фуллер акцентирует историческую и социальную обусловленность «режимов истины» и видит в постправде шанс перераспределить эпистемическую власть. Для него симптом постправды – это, например, падение безоговорочного авторитета экспертов: общество больше не слепо доверяет научным специалистам, открывая пространство для альтернативных голосов, ранее маргинальных. Такая ситуация, по мысли Фуллера, может иметь позитивный эффект «переворачивания игры знания», если больше людей включатся в дебаты о фактах. Он даже оправдывает провокационность и эпатаж в публичном дискурсе: интеллектуалы, по Фуллеру, должны бросать вызов устоявшимся мнениям — даже ценой скандала. Например, он утверждает, что те, кто отстаивают в обществе «оскорбительные, возмутительные» взгляды, по крайней мере заставляют оппонентов чётко формулировать, на каких основаниях они чувствуют себя оскорблёнными – и это полезно для рационального общества. Ограждать общество от шокирующих идей, по Фуллеру, означает признать его интеллектуальную незрелость. Следовательно, императив интеллектуала – смело артикулировать даже непопулярные идеи, стимулируя тем самым общественную рефлексию.

Однако подобная стратегия чревата опасностью незаметно скатиться к практике брехни. Сам Фуллер, похоже, сознательно размывает грань между искренним поиском истины и провокационной игрой идеями. По сути, Фуллер оправдывает ситуацию, когда интеллектуал озвучивает позицию, в которую сам не до конца верит, ради «блага» дискуссии или провокации мысли. В терминах Г. Франкфурта, это почти и есть *bullshit*, ведь говорящий не привержен истине своих слов, а преследует иную цель. Правда, мотивация у Фуллера здесь просветительская – «разыграть игру ума для общества в целом», заставить задуматься. Таким образом, фуллеровская постправда флиртует с брехней, но наделяет её, как ему кажется, позитивной функцией встряски статус-кво. Франкфурт же смотрит строже: для него любое осознанное безразличие к правде – моральный порок, подрывающий основу рационального общения. Он бы, вероятно, возразил Фуллеру, что интеллектуал, который нарочно говорит то, во что не верит, рискует сам стать продавцом «интеллектуальной брехни» и потерять доверие аудитории. И всё же оба автора сходятся в одном: традиционные критерии истины нуждаются в пересмотре. Просто Фуллер видит в этом возможность (новые формы знания и критики), а Франкфурт – угрозу (размывание ценности правды).

Чтобы глубже понять, можно ли превратить «постправду» в инструмент критического дискурса, обратимся к концепции критики у М. Фуко. В лекции 1978 года «Что такое критика?» он анализирует критику как особую установку субъекта по отношению к истине и власти. Он определяет критику в первом приближении как этико-политическое отношение, суть которого – «искусство не

быть управляемым слишком усердно» [4, р. 45]. Фуко формулирует это в виде характерных вопросов: «Как не быть управляемым вот так, вот этим(и), во имя таких-то принципов, с такими целями и такими методами?», являющихся отправной точкой критической установки. Он называет эту установку своего рода «добродетелью»: «в критике есть нечто сродни добродетели... критическое отношение [есть] добродетель вообще» [4, р. 43]. Дж. Батлер, комментируя Фуко, подчёркивает, что под добродетелью здесь понимается не слепое следование моральным правилам, а способ действия субъекта, критически относящегося к самим нормам [5]. Критика – это этическая практика, которая не сводится к исполнению предписанных требований, но выражается в самостоятельном суждении об их справедливости и обоснованности. Критика ставит вопрос о пределе: «Каковы границы права власти повелевать?».

Дж. Батлер указывает, что Фуко интересуется не просто негативная функция критики (опровержение ошибок), но и процесс самоформирования субъекта через критическое отношение к самому себе и к истине. Критика выступает как «стилизация моральности», где индивид не автоматически принимает предписанные нормы, а трансформирует себя, соотносясь с внешним знанием и меняя свою позицию. Иначе говоря, критика – это добродетель, требующая работы над собой, умения жить без полной опоры на готовые истины. Батлер выводит, что для Фуко критическая добродетель (восходящая к античной «паррессии») сопряжена с известной долей риска и отваги: критикующий отказывается от гарантий авторитета, проявляя мужество не знать заранее, к чему приведёт его вопрос.

Можно ли рассматривать массовое недоверие к официальным версиям и экспертам, характерное для эпохи постправды, как проявление фукианской критики? С одной стороны, да. Постправда во многом питается антиавторитарным импульсом: нежеланием широких слоёв «быть управляемыми вот так и во имя таких принципов», которые транслируют элиты. Например, когда значительная часть общества отвергает научный консенсус относительно изменения климата, они, как минимум, выражают недоверие к тем, кто «монополизировал» истину – к учёным, официальным лицам, крупным СМИ. В их действиях прослеживается подобие фукианского вопроса: «почему мы должны верить именно этим утверждениям, продиктованным нам власть имущими, с такими-то целями?». Можно сказать, что в массовом скептицизме есть зерно критического духа – отказ слепо принимать господствующий дискурс. Однако, с другой стороны, критика в понимании Фуко–Батлер предъявляет более строгие требования, чем просто отрицание официоза. Она предполагает рациональную рефлексию и поиск альтернативной истины, тогда как многое из того, что происходит в медиа эпохи постправды, таким требованиям не отвечает. Часто отказ верить «официальным фактам» обусловлен не стремлением найти истину, а подверженностью эмоциям, предрассудкам или манипуляциям. Например, сторонники конспирологических теорий или пропаганды могут считать себя «критически мыслящими», но их скепсис однокбок: они отвергают

одни источники без попытки проверить достоверность других. Фактически они нередко попадают под влияние дискурса брехни, в котором аргументы выбираются по принципу удобства, а не истинности. Здесь критическая добродетель извращается: вместо разумного неподчинения власти мы видим иррациональное отрицание любых неудобных фактов. Или другой пример: некоторые инфлюенсеры и блогеры, распространяющие заведомо ложные сведения, заявляют, что лишь «задают вопросы» и «не верят официозу», апеллируя тем самым к уважению, которым пользуется критическое мышление. Но в действительности они демонстрируют именно то безразличие к истине, о котором предупреждает франкфуртовская «теория брехни»: их вопросы и предположения рассчитаны на эмоции публики, а не на поиск доказательств.

Как же должен позиционировать себя интеллектуал в условиях постправды и тотальной брехни? С. Фуллер [2] характеризует интеллектуалов как своеобразные «антитела» общества, не позволяющие социальному организму застояться или слиться в однородную толпу. Интеллектуалы призваны вмешиваться в «естественный ход» распространения идей, особенно там, где происходит провал рынка идей – когда одни мнения начинают доминировать бесконтрольно. Эта метафора близка к функции критики: интеллектуал реагирует на дискурсивную «инфекцию» – предубеждения, догмы, идеологические мифы – и пытается ей противостоять, стимулируя иммунный ответ общества в виде дискуссии и рефлексии.

Современные медиа – поле боя постправды – предоставляют интеллектуалу и новые возможности, и новые риски. С одной стороны, благодаря интернету и соцсетям мыслитель может напрямую обратиться к массовой аудитории. Это снижение порога входа в публичное пространство как раз отвечает идее Фуллера о демократизации знания. С другой стороны, та же цифровая среда поощряет внимание любой ценой: экстремизм мнений, эмоциональные всплески – всё то, на чем паразитирует bullshit. Интеллектуалу важно не уступить этой логике. Его задача – повышать уровень дискуссии, а не опускаться до кликбейта. Его авторитет должен строиться не на громком голосе или искусном медийном перформансе, а на прозрачной аргументации и добросовестности – то, что Батлер назвала бы *этическим* стилем мышления.

Подводя итог, можно сказать, что в эпоху постправды и «брехни» роль интеллектуала обретает особую *нравственную* значимость. Интеллектуал становится носителем критики как добродетели: он сопротивляется и тоталитарному диктату «единственной правды», и хаосу постмодернистского релятивизма. Императивы интеллектуала, сформулированные Фуллером – конфликтоустойчивость, широкая коммуникация, готовность к эпатажу – продуктивны лишь при условии, что их направляет внутренний *моральный* компас, о котором говорили Фуко и Батлер: стремление не быть управляемым ложью – ни чужой, ни собственной. В современных медиа интеллектуал должен выступать как критик-навигатор: разоблачая брехню и одновременно обозначая пути к преодолению эмоциональных ловушек постправды. Это позиция

ответственного опекуна публичного мышления: того, кто верен истине, но понимает, что истина требует постоянной критики и обсуждения. Только опираясь на эту добродетель критики, можно противостоять обеим угрозам – и манипулятивной власти, и распаду смысла – и тем самым служить обществу в новую «тёмную эпоху» информационного переизбытка.

Однако на данном этапе мы рассматривали, прежде всего, абстрактную позицию интеллектуала – своего рода «сферического интеллектуала» в этическом и моральном вакууме постправды и брехни. Включение в анализ экономического и институционального измерения способно едва ли не полностью подорвать эту нормативную теоретизацию. История XX века предоставляет множество свидетельств того, как политическая позиция или критическая активность интеллектуала в конкретном историческом контексте могла повлечь за собой потерю статуса, маргинализацию, а порой и полное исключение из институционального поля, вплоть до утраты средств к существованию. Иначе говоря, критическая добродетель не существует в чистом виде: она всегда зависит от поля власти и экономики, в котором интеллектуал действует. Следовательно, следующий шаг анализа потребует обращения к условиям производства критического дискурса в конкретных социально-исторических контекстах, где на карту поставлена уже не просто «истинность речи», но и само выживание говорящего субъекта.

Список литературы:

1. Франкфурт Г. К вопросу о брехне: логико-философское исследование / Г. Франкфурт. – М.: Европа, 2008. – 120 с.
2. Fuller S. The Intellectual / S. Fuller. – Cambridge: Icon Books, 2005. – 184 p.
3. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / С. Фуллер – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.
4. Foucault M. What is Critique? / S. Lotringer, L. Hochroth (eds.) // The Politics of Truth. – New York: Semiotext(e): 1997. - P. 41-82.
5. Butler J. What is Critique? An Essay on Foucault's Virtue / D. Ingram (ed.) // The Political: Readings in Continental Philosophy. – London: Basil Blackwell, 2002. – URL: <https://transversal.at/transversal/0806/butler/en> (дата обращения: 14.03.2025).